

КОНЦЕПТОСФЕРА СТИХОТВОРЕНИЯ «АРГАМАК» КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРЕДТЕЧА КАРТИНЫ МИРА ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

CSCSTI 160107
UDC 80
DOI 10.47940/cajas.v6i3.459

Альмира Наурзбаева¹

¹ Казахская национальная консерватория
имени Курмангазы (Алматы, Казахстан)

Аннотация. Не угасает ни читательский, ни исследовательский интерес к творчеству известного современного казахского поэта Олжаса Сулейменова, и, безусловно, большинство аспектов его богатого и разнообразного творчества получили свое должное осмысление. Одной из особенностей его творчества является иноязычие, точнее – русскоязычие. Исследование этого аспекта творчества поэта начиналось еще в 60-е годы XX века, и многие работы были посвящены вопросам о способах и средствах выражения казахской художественно-эстетической традиции, о национальном своеобразии его произведений и допускает множество методологических измерений.

Интерес к сформулированному в названии статьи аспекту творчества связан с попыткой прочтения картины мира, транслируемой внутренней семиотикой текстов О. Сулейменова как современного казахского поэта, интерпретирующего разные языковые и культурные «дискурсивные матрицы». Поэзия в данном случае выступает как Текст, понимаемый в ключе концепции Юлии Кристевой, которая рассматривает текст как трансформацию реальности, а процесс текстопорождения как ее означивание. Принципы «семанализа», интертекстовая функция «идеологемы», задающей структуре текста культурно-исторические координаты, положение о знаковости долингвистического пространства языка – основные категории теории Ю. Кристевой, думается, вполне коррелятивны задачам предпринимаемого анализа. К этому стоит добавить аргументы Юрия Лотмана, которые призваны рассматривать семиотическое пространство как текст, вбрасывающий «из себя целые пласты культур».

И, наконец, в соответствии с заданной стратегией предпринимаемого анализа, следует указать на важный аспект его методологической опоры – понятие «концептосфера», которое ввел в научный оборот Дмитрий Лихачев. Тракуемая им как «совокупность концептов нации», концептосфера образована всеми потенциями концептов носителей языка. Важно также понимать идею Д. Лихачева, что концептосфера культуры каждого народа шире семантической сферы, «представленной значениями слов языка».

На примере приемов семиотического анализа одного из первых поэтических произведений О. Сулейменова, небольшого по объему стихотворения «Аргамак», рассмотрена стратегия разворачивания базовых единиц концептосферы изустной традиционной казахской культуры как ментальных признаков народного сознания, объективированных в языке в широком его понимании. В частности, рассмотрена преемственность на уровне языковой «памяти жанра» семиотического пространства дискурса жырау в аспекте особенностей номадического хронотопа картины мира казахов.

Иноязычие (русскоязычие) творчества О. Сулейменова актуализирует, усиливает интенцию воплощать свои национальные коннотации духовных, идейных универсалий культуры. Номинация создаваемого мира и его коннотация базируется на концептах, представляющих ядро языкового сознания казахов, демонстрирующего один из уровней картины мира, презентацию мира. Открытость и использование возможности языковой синергии открывают новые горизонты смыслопорождения концептосферы семиотического пространства его поэтических текстов и, соответственно, картины мира поэта.

Статья подготовлена в рамках проекта Министерства образования и науки Республики Казахстан АР09259280 «Языки казахской культуры как основа этнической идентичности: семиотика и семантика».

Ключевые слова: О. Сулейменов, «Аргамак», концептосфера, семиотический анализ, номадический хронотоп, жырау, перформативный дискурс.

Для цитирования: Наурзбаева, Альмира. «Концептосфера стихотворения “Аргамак” как семиотическая предтеча картины мира Олжаса Сулейменова». *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 6, № 3, 2021, с. 10–25. DOI: 10.47940/cajas.v6i3.459.

Оказывается, нередко на первом стихотворении, как на фундаменте, ставится позже все творчество поэта.

Олжас Сулейменов

Введение

Открывая рубрику «Антология первого стихотворения» в газете «Вечерняя Алма-Ата» (1973 г.), О. Сулейменов поделился с читателями размышлениями о своем первом поэтическом опыте, оказавшемся судьбоносным в выборе им творческих предпочтений. Поэт признавался, что, работая целый год над единственным произведением, он приобрел навыки, которых ему «хватило на несколько книг». Этим знаковым произведением было названо стихотворение «Аргамак».

История появления «Аргамака», поведенная его автором, интересна своей поучительностью для начинающих поэтов. «Чтобы каждое слово было радостью и открытием»... и «главное в поэте, может быть вообще в человеке, это недоверие к себе. Это залог будущей уверенности... Если редактору не понравилось — верь ему»

(Сулейменов 79), — такими приобретенными из этого опыта премудростями делится О. Сулейменов.

На первый взгляд, это история об уроках творчества при выполнении необычного задания, которым озадачил руководитель семинара поэтического перевода Литинститута Л. Озеров. «Это должен был быть образ, что ли, стиха, народного стиха. Без конкретного оригинала нужно было добиться того, чтобы стихотворение получилось характерным, национальным», — вспоминает О. Сулейменов (Сулейменов 79). Думается, что маститый поэт и переводчик, критик, литературовед Л. Озеров понимал все сложности и нюансы переводческого мастерства поэзии не «с языка на язык», а как воплощение одного мира, национальной картины мира в ином языковом «пространстве». И, понимая все эти сложности, требовал работать и оттачивать не только поэтическое

слово, но искусство воссоздания национального бытия в иноязычном словесно-поэтическом творчестве. (Следует отметить, что О. Сулейменов занимался переводами с казахского на русский и языком его собственного творчества является русский язык).

Итак, выявление стратегий, которые генерируют и расширяют смысловые, эстетические горизонты этнокультурного языкового сознания картины мира О. Сулейменова, путем семиотического погружения в его поэтические тексты следует понимать как цель и задачи данной статьи.

Материалы и методы

Материалом анализа явилось одно из первых поэтических произведений О. Сулейменова «Аргмак», а также, по мере разворачивания темы, востребованными оказались поэтические тексты, а также его публицистические работы, которые, безусловно, являются органической составляющей картины мира поэта. Но в центре анализа — концептосфера одного поэтического текста, в которой закодированы в разных конфигурациях культурно значимые смыслы, ментальный мир, этноязыковое сознание.

Методологической опорой явилась этнолингвосемиология, наука, которая все больше расширяет границы как объекта, так и методов изучения языка феноменов культуры и искусства, тем самым выходя за условные границы предмета лингвистики. Здесь находят взаимодополнение методы этнологии, филологии, лингвистики, социологии, искусствознания и, безусловно, генерирующую роль в этом играет семиотика и ее безграничные возможности находить новые способы «разглядеть» мир, сокрытый в знаках.

Интерес к сформулированному в названии статьи аспекту творчества связан с попыткой прочтения картины

мира, транслируемой внутренней семиотикой поэзии О. Сулейменова. Поэзия в данном случае выступает как Текст, понимаемый в ключе концепции Ю. Кристевой, которая рассматривает его как трансформацию реальности, а процесс текстопорождения как ее означивание. Принципы «семанализа», интертекстовая функция «идеологемы», задающей структуре текста культурно-исторические координаты, положение о знаковости долигвистического пространства языка — основные категории теории Ю. Кристевой (Кристева 39), думается, вполне коррелятивны задачам предпринимаемого анализа. К этому стоит добавить аргументы Ю. Лотмана, призванные рассматривать семиотическое пространство как текст, вбрасывающий «из себя целые пласты культур» (Лотман 56).

Результаты

Итак, в чем тайна этого практически невозможного в идеальном исполнении, необъяснимого логическим языком творческого процесса?! Если язык, в соответствии с известной мыслью М. Хайдеггера, «это дом бытия», то, принимая во внимание, что языковое сознание является главной составляющей ментальности, потери, по всей вероятности, неизбежны... и мир изначального языкового бытия поэзии закрыт для «другого»? И как его преобразить в открытый, постигаемый воображением этого «другого» мир? И, более того, само литературное творчество, по мнению Р. Барта, это «языковое ухищрение» преодоления «исконной неадекватности языка и реальности» (Барт 554). Думается, что на этом вопросе и завязана вся интрига трудностей и «раздражающего» молодого автора требования его мастера столь долгой работы над созданием «Аргмака».

Хотя начинающему переводчику и поэту О. Сулейменову показалась совсем незатейливой эта задача: «Самое характерное для степи — это конь. Над этим долго думать не надо было. Конь и всадник — это самый конкретный и любимый образ степной поэзии. Вдохновение, которое объединяет коня и всадника, — атака. Это состояние я и хотел передать. Стихотворение было написано быстро и длинно» (Сулейменов 79). Но, как поведал много позже сам О. Сулейменов, руководитель семинара заставлял работать над стихотворением снова и снова, и продлился этот утомительный труд над одним небольшим произведением на целый год.

Чего же добивался Л. Озеров? По всей видимости, рождения поэта с его творческим индивидуальным стилем и национально выраженной картиной мира, которая слагается из того космоса, в котором бытие обретает свой смысл. И, пожалуй, дело не только в оттачивании слога поэтического текста, его «красивостей» и «вскусностей». Ведь «только поэты могут объяснить значение слов, созданных древними языкотворцами», — считает и сам О. Сулейменов.

За требованиями классической теории и практики перевода вызревала непопулярная и, пожалуй, еще несформулированная в то время позиция, которая была концептуализирована позднее Ю. Лотманом: «Неадекватность перевода обеспечивает динамику культуры». Этот тезис в эксплицированной формулировке означает, что от «пересекаемости» и «непересекаемости» кодов коммуникантов зависит порождение смысла. «Более того, чем труднее и неадекватнее перевод одной непересекающейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношении становится факт этого парадоксального общения. Можно

сказать, что перевод непереводаемого оказывается носителем информации высокой ценности», — писал автор труда «Культура и взрыв» (Лотман 29).

С этой мыслью ученого перекликаются слова Ж. Делеза о том, что «всякий субъект выражает абсолютно различный мир. Несомненно, выражаемый мир не существует вне субъекта, который его выражает, но он выражен как сущность, не самого субъекта, а Бытия, или той области Бытия, которая открыта субъекту... Не индивидуумы конституируют мир, но свернутые миры, сущности, конституируют индивидуумов. Это миры, которые мы называем индивидуумами и которые без искусства мы никогда не познаем» (Делез 69).

Творческие поиски поэта столкнулись с потребностью раскрытия культурного кода на уровне этнокультурной коннотации базовых концептов ментальности казахского народа. В данном случае ими, как и определил их сам поэт, были конь и всадник, вдохновение, объединяющее коня и всадника. А для этого требовалось воссоздать целостность картины мира казахов, воссоздаваемой и хранимой культурой. Поэтому «перерыв сотни исторических книг», О. Сулейменов укреплялся в своем убеждении «разыскать потерянную историю своего народа». Год, потраченный на небольшое по объему сочинение, был временем открытия какого-то, прежде всего для себя, еще малоизведанного смысла этнически означенной концептосферы, объединяющей языковое сознание, эстетико-символические традиции казахов. Каждый вновь рождаемый смысл вытесняет из сознания предшествующие стереотипы: конь, всадник, степь — такое вот незамысловатое представление о национальной картине мира, о народной поэзии перерождается в исследовательскую интенцию.

И, более того, эта интенция была нагружена особенностями

плана выражения — особого рода билингвильностью: по-казахски означенный поэтический текст создается на русском языке казахским поэтом. Здесь вступает в силу «диалектика» лотмановской «неадекватности» — несовпадение культурных кодов. Ю. Лотман полагал, что «исходно предполагается существование двух степеней объективности: мира, принадлежащего языку, то есть объективного», с его точки зрения, и мира, лежащего за пределами языка. «Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир. Сама эта неспособность есть не недостаток, а условие существования, ибо именно она диктует необходимость другого (другой личности, другого языка, другой культуры)» (Лотман 28). Концепты «конь», «всадник», «степь» в призме русского языка выступают как внешняя референция культурного кода. Поиск же внутренней референции связан с процессом собственной идентификации с этнокультурным кодом, т. е. казахским языковым сознанием.

Тем самым, следуя концепции Ю. Кристевой, формально это можно описать как работу над гено-текстом, выступающим как основа, находящаяся на предъязыковом уровне, «поверх» которого следовало расположить фено-текст. Банальная простота представлений О. Сулейменова о мире своих далеких предков-кочевников постепенно в процессе работы обретала свой осмысляемый сущностный горизонт, затем поэтически формулируемый в концептах, манифестируемых в произведениях разных периодов творчества:

*По азимуту кочевых родов,
по карте, предначертанной
историей,
по серым венам*

*древних городов
я протекаю
бурой каплей донора.
Здесь долг я понял
глянуть на года,
возвысить степь, не унижая горы,
схватить ладонь твою и нагадать
тебе дорогу дальнюю, о город.
(«Разлив»)*

Как видим, здесь явно манифестируется расширенная смысловая и концептуальная дихотомия точки отсчета: история, древность и современность, степь и город, степь и горы, пересекаемые в хронотопе поэтической картины мира. Базовые концепты казахского языкового сознания, такие как «степь», «кочевье», «дорога» — ключевые фигуры и единицы поэтических текстов О. Сулейменова. Причем следует еще раз обратить особое внимание, что эти концепты как духовные универсалии культурно-исторической целостности не теряют казахского ментального начала, своего этнического эстетико-символического значения в текстах, написанных на русском языке, созданных в иной по отношению к традиционной казахской поэтике системе. Базовые концепты служат для поэта идентификационным кодом этнической (казахской) системы координат и ее лингвосемиотического потенциала.

Обсуждение

Уместно вспомнить высказывание современного французского гуманитария Ж. Бодрийера о том, что «мир нас мыслит, но тогда, когда мы его мыслим...» И, несомненно, важно, как и каким мы его мыслим. И степь, и конь, и всадник как фрагменты мыслимого мира в стихотворении «Аргмак» — ключевые маркеры, устойчивые идентификаторы традиционной казахской культуры. Но мыслимый мир не может быть

ограничен статикой традиционности: иначе он не осмысливаем, а повторяем. Перефразируя слова М. Мерло-Понти, здесь работает мысль, которая вступает в действие, когда объект мыслится не только изнутри «своей» культуры, но и с позиции «внешней».

*Я хожу по степи не сгибаясь,
Как указательный палец
(указательный палец сгибается
только курком).
Это кажется мне: Аз и Я – Азия,
ошибаюсь:
мы кочуем навстречу себе,
узнаваясь в другом.
(«Мы – кочевники»)*

Как видим, на горизонте уже мелькают проблески будущего изыскательского труда «Аз и Я», а старт был задан «Аргамак»: именно эти, условно говоря, «объекты» вместе с другими их коррелятами транслируют мыслимую картину мира, внутренне расширяя семиосферу поэтических текстов О. Сулейменова.

Поэтому стихотворение «Аргмак» имеет полное основание рассматриваться как текст, манифестирующий исходные символы, устойчивые знаки-образы, обладающие потенциалом транслировать, излучать, порождать многообразие смыслов без потери исконных, накрепко привязанных к своему архэ – внеязыковой реальности. В общем-то нет сомнения в том, что любой, как и анализируемый в статье, поэтический текст семиотичен и обладает семантикой знаковых выражений.

«Мой половецкий край» – первая строка с акцентом на сопричастность к описываемому миру – («мой половецкий край») декларирует идентичность с огромнейшим, пространственно необъятным культурно-историческим ландшафтом. Обращение «мой», выражающее сопричастность,

усиливает эффект этого манифестируемого признания и обращенности к «половецкому краю» не как к мнимой реальности, а к миру бытийствующему. (Известно, что во времена написания «Аргмака» половецкая тема представляла собой сложную «историческую» коллизию, отягощенную негативными оценками традицией интерпретации памятников древнерусской письменности).

«Не без грусти я прощался с героями, созданными ребяческим воображением историков, но факты мне говорили, что образ кочевников фальсифицирован. Скороспелая гипотеза превратилась в аксиому... Отныне я выступаю не только в качестве защитника, но даже как осуждаемый кочевник, который требует права последнего слова после приговора, вынесенного историками. Для того чтобы настоять на необходимости пересмотреть «тяжбы», я написал свою книгу «Аз и Я», – писал О. Сулейменов в 1977 году в своей публикации «Кочевники и культура: казахский эксперимент» в журнале «Культура» ЮНЕСКО (Сулейменов 176).

Итак, «половецкий край» – знак с интертекстуальной отсылкой на коммуниканта с иным пространственно-временным модусом картины мира. Половецкий – кочевой пространственный модус «бескрайний»: «Нет у неба конца».

Вспомним также строки:

*Кружись, айналайын, Земля моя!
Как никто,
я сегодня тебя понимаю,
все болезни твои
на себя принимаю.
Я кочую, кружусь по дорогам
твоим...*

«Край» – в широком обобщающем значении передает какое-либо ограниченное пространство. Между тем, слово «край» в контексте:

*Я проскачу до края,
Город и степь
Накрены.*

Здесь пространственная смысловая нагруженность «края» дополнилась смыслом исполненности намерения, деяния: «я проскачу до края». С появлением динамики, движения пространство обретает панорамность, целостность, доступное включенности вертикального модуса пространства. Возникает ощущение того, что панорама происходящего описывается как бы с уровня высоты всадника или парящего в небе беркута.

Итак, «половецкий край» — контаминация континуальной и дискретной картины мира. Логика линейного развития перебивается вертикальной позицией динамики событий, которые вовлечены в круговорот движения аргмака: *ветер, пламя, травы, пыль, атака, грохот*, даже в денотативной ассоциации выражают некую динамически протекающую событийность.

Парадоксальна, с точки зрения линейно-статичной картины мира, устойчивость жизненного мираномада. Устойчивость здесь заключается в фиксации, духовной «привязанности» к вертикально означенной модели мира: жизненный мирномада укоренен в эту вертикаль как символ «вечного возвращения». Пространственная же горизонталь актуализируется как часть этого жизненного мира — момент, событие, действие, дорога. Возникает онтологическая парадигма здесь-бытия, события в точке со-бытия. Образ жизни традиционного казахского общества и мифопоэтическая картина мира оказали влияние на пространственные представления, которые «нашли отражение в топонимике физического пространства и способах ориентации в нём, в организации виртуального и музыкального пространства» казахов (Бахралинова 175).

«Город и степь» — теоретически две антиномичные и одновременно амбивалентные семиотические фигуры, топологически символизирующие два разных типа культур, способов жизнедеятельности. Вместе с тем для О. Сулейменова эти культурные пространства не означены в оппозиции «свой»-«чужой», «сакральное»-«профанное»: город и степь для аргмака — всего лишь преодолеваемое пространство, для поэта — мыслимое, обозреваемое жизненное пространство. «Базовая пространственная модель» традиционной казахской культуры «сочетает в себе качества «слоистой и ризомической моделей» (Бахралинова 175). Иными словами, пространственная модель, характерная для традиционной казахской языковой картины мира, представляет собой устойчивость трехчастной вертикали, восходящей к тенгрианскому мировидению и актуализирующейся «здесь» и «теперь» горизонтальной составляющей, характеризующейся типом ландшафта. Ризоматика здесь функционирует как ситуативная конфигурация пространства, которая обладает, согласно теории номадизма Ж. Делеза, «презумпцией ацентричности».

Сознание поэта не центрирует и не иерархизирует пространство в исчисляемом измерении. Вероятно, номадический принцип «внекодовой территориализации» в преломлении через призму ценностных устоев казахского народа и личностной нравственной позиции О. Сулейменова определил кредо Поэта: «*Воспеть степь, не унижая горы*». С точки зрения семиотики пространства, степь и горы в данном контексте означены и как величины реальной географии, и как сакральные символы экокультурного топоса. И, собственно, концептосфера «Аргмака», и картины мира О. Сулейменова осуществляются в ризоматической «стратегии»

«рассеивания качественно недифференцированных фишек на открытой поверхности» (Делез), сквозь призму культурной коннотации, характерной для билингвального сознания.

Вместе с тем это обстоятельство усиливает поиск в поэтическом тексте собственно дискурсивных знаков, указывающих на способы этнически выраженного менталитета. Проглядывается так называемая «память жанра» в тексте «Аргамак», которая отсылает нас к перформативному характеру поэзии казахских жырау. Во-первых, перформативность речи жырау определяет не столько истинность или ложность высказываемого, она заключена в формировании и закреплении культурного кода в символически означенном пространстве бытия. Во-вторых, в перформативном дискурсе казахских жырау смыслообразующую функцию выполняет номадический хронотоп, «фиксирующий» актуальность со-бытия в текущем времени, как «самовыговариваемое бытие», поэтому оно и высказывается в импровизационных формах, т. е. языком изустности.

Жырау, как известно, признается и как хранитель, и как носитель, и, соответственно, как со-творец мифоэпической традиции. А исполнительство эпоса есть перформативное действие, в результате которого осуществляются онтологические трансформации эмпирического окружения (так, например, голос сказителя становится голосом героя, место исполнения эпоса — его родиной, эпическая география накладывается на привычное окружение), что можно назвать «актуальной онтологией». В свою очередь, сам эпический текст как символический капитал «задает мировоззренческие координаты, или логику культурной среды», «придает мировоззренческим координатам статус

абсолютных», «идеальная логика, запечатленная в эпосе, становится реальностью данной культурной среды» (Наурызбаева 293).

Подобное дискурсивное мышление характерно для О. Сулейменова как поэта, владеющего двумя языками, следовательно, в определенной степени обладающего языковым сознанием, особенностями казахского и русского менталитета. Отсюда берет начало особенность поэтического текста О. Сулейменова, лишаящая нас возможности искать метафоры, говорить о собственно поэтическом языке: его текст открывается как мир, предметный, демонстрируемый, объемный, телесный, со своей эпически заряженной драматургией. Два противоположных дискурса — литературный и устно-поэтический как «неадекватности» по отношению друг к другу сформировали целостную картину мира его творчества.

Наконец, аргамак — неизменный «культурный герой» казахской аксиосферы — воплощается в стихотворении «Аргамак» в разных ипостасях своей как профанической, так и сакральной значимости для номада: вот он просто «вороной», «молодой конь» превращается в аргамак с жаркой кровью, под которым «травы сгорят», способного «бросить робким тропам грохот копыт в лицо». Как видим, идет наращивание темпоритма вместе с превращением молодого коня в аргамак: коннотация, образуемая в казахском назывании молодого коня — «аргамак», восходит к казахским героическим эпосам со своей специфической эстетико-символической энергетикой. В итоге это не повествовательный текст, он больше изобразительный.

Заключение

И в целом можно утверждать, что картина мира О. Сулейменова —

не плоскостное или линейное художественное полотно: построению текста характерен принцип «монтажности», динамической смены картин, порой и эпических полотен. Поэтому и сама картина мира динамичная, и может прочитываться как «кинокартина»: преобладает визуализированный характер изображаемого, «автономен» каждый «кадр», переводя на язык кино. (Уместно напомнить здесь, что по сценариям О. Сулейменова были сняты кинофильмы «Балкон», «Атамекен» — «Земля отцов»).

Семиотической предтечей картины мира О. Сулейменова названо его стихотворение «Аргамак» неслучайно и не только в силу того, что сам поэт рассказал об истории его создания, о значимости его для всего последующего творчества. Думается, что уже первое впечатление об этом небольшом

произведении рождает ощущение, что аргамак как символ устремленности познания бытия своего народа продолжает свой стремительный бег, «бросая робким тропам грохот копыт», для того чтобы открыть дорогу поиска новых смыслов в мире большого и многогранного по воплощению своей изыскательной интенцией творчества О. Сулейменова.

Безусловно, данная статья не исчерпала вопроса о творчестве О. Сулейменова в семиотическом аспекте: проведена пропедевтика подходов подобного исследования. Думается, что феномен не только собственно поэтического творчества, но и сама концептосфера казахского мира, и многие другие предметные области семиосферы культуры и искусства казахов актуальны для исследовательских задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Amin Abdel Fattah R. A. "When Poetry is more than Words: Jason Nelson's Digital Poetry and the Synergy of Science, Mathematics, and Semiotics." *Humanities and Social Sciences Review*, vol. 08(02), 2018, pp. 485–500, <http://www.universitypublications.net/hssr/0802/pdf/P8RS74.pdf>. Accessed 11 January 2021.
- Bart, Roland. *Selected works: Semiotics: Poetics*. Translated from French. Compiled by G. K. Kosikov. Moscow, Progress, 1989. (In Russian)
- Baudrillard, Jean. *Les Strategies Fatales J. Baudrillard*. Translated from French by A. Kachalov. Moscow, RIPOL Classic, 2017.
- Caffee, Naomi. "Between First, Second, and Third Worlds: Olzhas Suleimenov and Soviet Postcolonialism, 1961–1973." *Russian Literature*, vol. 111–112, 2020, pp. 91–118. DOI: 10.1016/j.ruslit.2020.03.004.
- Masou, Algooneh Juneghani. "The application of Riffaterre's semiotic model in the reading of poetry." *Research in Contemporary World Literature*, vol. 22, no. 1, 2017, pp. 33–58. DOI: 10.22059/jor.2017.62704.
- Prosyannikova, Yana. "Semiotics of similes in English poetic texts of Canadian poetry." *Technology Transfer: Innovative Solutions in Social Sciences and Humanities*, Apr. 2018, pp. 16-18, DOI: 10.21303/2613-5647.2018.00621.
- Valikova, Olga and Uldanai Bakhtikireeva. "Literary Crossover: On the Problem of Literary Translingualism." *Analele Universității din Craiova. Seria Științe Filologice. Lingvistică*, 2017, iss. 1–2, pp. 218–230.
- Бахралинова, Асель. «Пространственная параметризация казахской языковой картины мира». *Вестник Кемеровского государственного университета*, Т. 1, № 2 (54), 2013, с. 174–177.
- Делез, Жиль. *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. Жиль Делез, Феликс Гваттари. Перевод с французского и послесловие Я. И. Свирского, научный редактор В. Ю. Кузнецов, Екатеринбург, У-Фактория, Москва, Астрель, 2010.
- Джусупов, Нурсултан. «Концентрация средств выдвижения в поэтическом тексте». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, Т. 9, № 2, 2018, с. 379–387. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-379-387.
- Джусупов, Нурсултан. «Транслингвальный и транскультурный аспекты стилистического выдвижения в художественном тексте (на материале поэзии О. Сулейменова). Статья 1». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, Т. 8, № 3, 2017, с. 519–530. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530.

Дроздова-Диес, Татьяна. «Национальная языковая личность и семиотика текста в переводе». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, Т. 12, № 2, 2021, с. 316–338. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-316-338.

Кристева, Юлия. *Семиотика: Исследования по семанализу*. Перевод с французского Эльны Орловой, Москва, Академический Проект, 2013.

Лазарева, Олеся. «Функциональная и сопоставительная семантика». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, Т. 9, № 2, 2018, с. 247–253, www.journals.rudn.ru/semiotics-semantics/article/view/18741. Дата доступа 10.07.2021.

Лотман, Юрий. *Семиосфера*. Санкт-Петербург, Искусство–СПБ, 2000.

Наурызбаева, Альмира. «Дискурс жырау в социосфере казахской традиционной культуры в аспекте генезиса мифопоэтики». *Жырау: статус, функции, культура, мировоззрение (монография)*, под редакцией К. Жанабаева, Семей, 2017, с. 289–301.

Свердлова, Наталия. «Герменевтические аспекты билингвизма: роль межъязыковой интерференции». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, Т. 10, № 3, 2019, с. 602–609. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-602-609.

Сулейменов, Олжас. *Литература – это жизнь: о литературе и литераторах*. Алматы, Библиотека Олжаса, 2011.

References

- Amin Abdel Fattah R. A. "When Poetry is more than Words: Jason Nelson's Digital Poetry and the Synergy of Science, Mathematics, and Semiotics." *Humanities and Social Sciences Review*, vol. 08(02), 2018, pp. 485–500, <http://www.universitypublications.net/hssr/0802/pdf/P8RS74.pdf>. Accessed 11 January 2021.
- Bakhralinova, Asel Zh. "Prostranstvennaya parametrizatsiya kazakhskoi yazykovoï kartiny mira" ["Spatial parameterization of the Kazakh language picture of the world"]. *Bulletin of Kemerov State University of Culture and Arts*, 2013, no. 2 (54) vol. 1, pp. 174-177. (In Russian)
- Bart, Roland. *Selected works: Semiotics: Poetics*. Translated from French. Compiled by G. K. Kosikov. Moscow, Progress, 1989. (In Russian)
- Baudrillard, Jean. *Les Strategies Fatales J. Baudrillard*. Translated from French by A. Kachalov. Moscow, RIPOL Classic, 2017.
- Caffee, Naomi. "Between First, Second, and Third Worlds: Olzhas Suleimenov and Soviet Postcolonialism, 1961–1973." *Russian Literature*, vol. 111–112, 2020, pp. 91–118. DOI: 10.1016/j.ruslit.2020.03.004.
- Deleuze, Gilles and Félix Guattari. *Tsytycha plato: Kapitalizm i shizofreniya [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]*. Translated from French by Ya. I. Svirskiy; editor V. Yu. Kuznetsov, Yekaterinburg, U-Factory; Moscow, Astrel, 2010. (In Russian)
- Deleuze, Gilles. *Marsel Proust et les signes*. Transl. from French by E. G. Sokolov, Saint Petersburg, Aletheia Publ., 1999.
- Drozdova, Dies T. "Natsional'naia iazy'kovaia lichnost' i semiotika teksta v perevode". ["National linguistic personality and semiotics of the text in translation"]. *Bulletin of the RUDN Universit. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 316–338. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-316-338
- Dzhupov, Nursultan. "Concentration of means of promotion in a poetic text." *Bulletin of the RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2018, vol. 9, no. 2, pp. 379–387. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-379-387.
- Dzhupov, Nursultan. "Translingual and transcultural aspects of stylistic advancement in a literary text (based on the poetry of O. Suleimenov). Article 1." *Bulletin of the RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2017, vol. 8, no. 3, pp. 519–530. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530.
- Kristeva, Yuliya. *Semiotika: Issledovaniya po semanalizu [Semiotics: Research on Semanalysis]*. Transl. from French by E. A. Orlova. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2013. (In Russian)

- Lazareva, Olesya. "Functional and comparative semantics." *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 9, no. 2, pp. 247-253, journals.rudn.ru/semiotics-semantics/article/view/18741. Assessed 10 July 2021.
- Lotman, Yuriy M. *Semiosfera [Semiosphere]*. Saint Petersburg, Iskustvo–SPB, 2000. (In Russian)
- Masou, Algooneh Juneghani. "The application of Riffaterre's semiotic model in the reading of poetry." *Research in Contemporary World Literature*, vol. 22, no. 1, 2017, pp. 33–58. DOI: 10.22059/jor.2017.62704.
- Naurzbaeva, Almira. "Diskurs zhyrau v sotsiosfere kazakhskoi traditsionnoi kul'tury v aspekte genezisa mifoepiki" ["Zhyrau's discourse in the sociosphere of the Kazakh traditional culture in the aspect of the genesis of mythoepics"]. *Book: Zhyrau: status, functions, culture, worldview (monograph)*. Editor K. Zhanabaev. Semei, 2017, pp. 289-301. (In Russian)
- Prosyannikova, Yana. "Semiotics of similes in English poetic texts of Canadian poetry." *Technology Transfer: Innovative Solutions in Social Sciences and Humanities*, Apr. 2018, pp. 16-18, DOI: 10.21303/2613-5647.2018.00621.
- Suleimenov, Olzhas. *Literatura eto zhizn'. O literature i literatorakh [Literature is life. About literature and litterateurs]*. Almaty, Publishing house "Biblioteka Olzhasa", 2011. (In Russian)
- Sverdlova, Nataliya A. "Hermeneutical aspects of bilingualism: the role of interlanguage interference." *Bulletin of the RUDN University. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 602-609. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-602-609 (In Russian)
- Valikova, Olga and Uldanai Bakhtikireeva. "Literary Crossover: On the Problem of Literary Translingualism." *Analele Universității din Craiova. Seria Științe Filologice. Lingvistică*, 2017, iss. 1–2, pp. 218–230.

Альмира Наурызбаева

Құрманғазы атындағы Қазақ ұлттық консерваториясы
(Алматы, Қазақстан)

ОЛЖАС СҮЛЕЙМЕНОВТИҢ ДҮНИЕТАНЫМЫНЫҢ СЕМИОТИКАЛЫҚ БАСТАУЫШЫ РЕТІНДЕ «АРҒЫМАҚ» ӨЛЕҢ ШУМАҚТАРЫ КОНЦЕПТОСФЕРАСЫ

Аңдатпа. Заманауи белгілі қазақ ақыны Олжас Сүлейменовтің шығармашылығына оқырмандық та, зерттеушілік те қызығушылық жойылмаған. Әрине, оның бай және алуан түрлі шығармашылық әлемі көптеген аспектілері тиісті түсінікке ие болды. Оның жұмысының бір ерекшелігі – шет тілде; дәлірек айтқанда – орыс тілінде болуы. Ақын шығармашылығының осы аспектісін зерттеу ХХ ғасырдың 60-шы жылдарында басталды. Ақынның көптеген жұмыстары қазақтың көркем-эстетикалық дәстүрін білдіру тәсілдері мен құралдары туралы, оның шығармаларының ұлттық ерекшелігі туралы сұрақтарға және көптеген әдіснамалық өлшемдер мүмкіндіктеріне арналды.

Мақала атауында тұжырымдалған шығармашылық аспектіге деген қызығушылық түрлі тілдік және мәдени «дискурсивті матрицаларды» түсіндіретін қазіргі заманғы қазақ ақыны ретінде О. Сүлейменовтің мәтіндерінің ішкі семиотикасымен трансляцияланатын ғалам бейнесін тану әрекетімен байланысты. Бұл жағдайда поэзия, Юлия Кристеваның тұжырымдамасы негізінде, түсінілетін мәтін ретінде әрекет етеді. Ю. Кристева бойынша мәтін шындықтың өзгеруі, ал мәтінді қайта құру процесін оның мағынасы ретінде қарастырылады.

«Семанализ» принциптері, мәтіннің құрылымын мәдени және тарихи координаттармен, тілдің лингвистикалыққа дейінгі кеңістігінің белгілері туралы ұстаныммен анықтайтын «идеологеманың» интермәтіндік функциясы – Ю. Кристеваның теориясының негізгі категорияларымен қабылданған талдау міндеттерімен өзара байланысты.

Бұған Юрий Лотманның семиотикалық кеңістікті «мәдениеттің барлық қабаттарын қамтитын» мәтін ретінде қарастыратын дәлелдері қосқан жөн.

Ақырында, берілген стратегияға, қабылданған талдауға сәйкес, оның әдіснамалық қолдауының маңызды аспектісін – Дмитрий Лихачевтің ғылыми айналымға енгізген «концептосфера» ұғымын атап өту керек. «Ұлт ұғымдарының жиынтығы» ретінде түсіндірген концептосфера тіл иелері концептілерінің барлық потенциалдарымен қалыптасқан. Д. Лихачевтің әр халықтың мәдениетінің концептосферасы «тіл сөздерінің мағыналарымен ұсынылған» семантикалық саладан кеңірек деген идеясын түсіну маңызды.

О. Сүлейменовтің алғашқы ақындық шығармаларының бірі, көлемі шағын «Арғымақ» өлеңнің семиотикалық талдау амалдарының мысалында, оның кең мағынасындағы тілде объективті, халық санасының ментальді белгілері ретінде ауызекі дәстүрлі қазақ мәдениетінің концептосферасының базалық бірліктерін ашу стратегиясы қарастырылды. Атап айтқанда, қазақтар әлемі картинасының көшпелілер хронотопының ерекшеліктері аспектісінде жыраулар дискурсының семиотикалық кеңістігінің тілдік «жанр естелігі» деңгейіндегі сабақтастығы қарастырылды.

О. Сүлейменовтің шет тілі (орыс тіліндегі) шығармашылығы мәдениеттің рухани, идеялық әмбебаптығының өзінің ұлттық коннотациясын іске асыру ниетін күшейтеді, өзектендіреді.

Құрылатын әлемнің номинациясы және оның коннотациясы әлем бейнесі, әлем таныстырылымы деңгейлерінің бірін білдіретін қазақтардың тілдік санасының өзегін білдіретін тұжырымдамаларға негізделеді. Тілдік синергияның ашықтығы мен мүмкіндіктерін пайдалану оның поэтикалық мәтіндерінің семиотикалық кеңістігінің концептосферасының семантикалық көрінісінің жаңа көкжиектерін және, тиісінше, ақын ғалам бейнесін түсіндіреді.

Мақала Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігінің «Қазақ мәдениетінің тілдері этникалық сәйкестіктің негізі ретінде: семиотика және семантика» АР09259280 жобасы аясында дайындалды.

Тірек сөздер: О. Сүлейменов, «Арғымақ», концептосфера, семиотикалық талдау, көшпелілер хронотопы, жырау, перформативті дискурс.

Дәйексөз үшін: Наурызбаева, Альмира. «Олжас Сүлейменовтің дүниетанымының семиотикалық бастауышы ретінде “Арғымақ” өлең шумақтары концептосферасы». *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 6, № 3, 2021, 10–25 б. DOI: 10.47940/cajas.v6i3.459.

Almira Naurzbayeva

Kurmangazy Kazakh National Conservatory
(Almaty, Kazakhstan)

THE CONCEPT-SPHERE OF THE POEM “ARGAMAK” AS A SEMIOTIC PRECURSOR OF OLZHAS SULEIMENOV’S PICTURE OF THE WORLD

Abstract. Neither the reader’s nor researcher’s interest in the works of the famous modern Kazakh poet Olzhas Suleimenov is fading, and, of course, most aspects of his rich and diverse works have received their due comprehension. One of the features of his work is foreign language; more precisely, Russian language. The study of this aspect of the poet’s work began back in the 1960s, and substantial research using diverse methodological dimensions has been devoted to questions about his ways and means of expressing the Kazakh artistic and aesthetic tradition, and the national originality of his works.

The interest in the aspect of creativity formulated in the title of the article is associated with an attempt to read the picture of the world transmitted by the internal semiotics of O. Suleimenov’s texts as a modern Kazakh poet interpreting different linguistic and cultural discursive matrices. Poetry in this case acts as a Text understood in relation to Julia Kristeva’s concept of the text as a transformation of reality, and the process of text generation as its signification. The principles of semanalysis, the intertextual function of the ideologeme that sets the cultural and historical coordinates of the text structure, and the position of the sign character of the pre-linguistic space of the language are the main categories of Kristeva’s theory that correlate to the tasks of the analysis being undertaken. To this it is worth adding the arguments of Yuri Lotman, who is in favor of considering the semiotic space as a text that throws “whole layers of cultures out of itself”. And, finally, in accordance with the given strategy of the analysis, it is necessary to point out an important aspect of its methodological support – the term of concept-sphere, which was introduced into scientific circulation by Dmitry S. Likhachev; interpreted by him as a “set of concepts of the nation”, the concept-sphere is formed by all the potentials of the concepts of native speakers. It is also important to understand the idea of Likhachev that the conceptual sphere of the culture of each nation is wider than the semantic sphere “represented by the meanings of the words of the language”.

Using the example of the methods of semiotic analysis of one of the first poetic works of O. Suleimenov, the short poem *Argamak*, the strategy of unfolding the basic units of the conceptual sphere of the oral traditional Kazakh culture as mental signs of national consciousness objectified in the language in its broad sense is considered. In particular, continuity at the level of the linguistic genre memory of the semiotic space of the zhyrau discourse is considered in the aspect of the features of the nomadic chronotope of the Kazakh worldview.

The foreign language (Russian language) of O. Suleimenov’s creativity actualizes and strengthens the intention to embody its national connotations of spiritual, ideological universals of culture. The nomination of the created world and its connotation is based on concepts that represent the core of Kazakh language consciousness, which represents one of the levels of the world picture, the presentation of the world. The openness and use of the possibility of language synergy open up new horizons for the meaning generation of the conceptual sphere of the semiotic space of his poetic texts and, accordingly, the poet’s picture of the world.

The article was prepared within the project of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan AR09259280 “Languages of Kazakh culture as the basis of ethnic identity: semiotics and semantics”.

Keywords: O. Suleimenov, *Argamak*, concept-sphere, semiotic analysis, nomadic chronotope, zhyrau, performative discourse.

Cite: Naurzbayeva, Almira. “The concept-sphere of the poem ‘Argamak’ as a semiotic precursor of Olzhas Suleimenov’s picture of the world.” *Central Asian Journal of Art Studies*, vol. 6, no. 3, 2021, pp. 10–25. DOI: 10.47940/cajas.v6i3.459.

Автор туралы мәлімет:

Альмира Бекетқызы Наурызбаева — философия ғылымдарының докторы, Құрманғазы атындағы Қазақ ұлттық консерваториясының әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының профессоры (Алматы, Қазақстан)

Сведения об авторе:

Альмира Бекетовна Наурызбаева — доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахской национальной консерватории имени Курмангазы (Алматы, Казахстан)

Author's bio:

Almira B. Naurzbayeva — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of Cultural Studies, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Kurmangazy Kazakh National Conservatory (Almaty, Kazakhstan)